

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Тальков. Убийство. Ложь	11
Пугачева – Киркоров. Вместе и порознь	39
Клиповое «Поколение». Младшие: Бондарчук, Михалков, Кеосаян	86
Свиридова – фламинго «девяностых»	105
Странная Линда и ее создатель Макс	122
«Ужасающая» тема	131
Московский «олигархат» и «баянист Крутой» ..	139
«Квинта» против «Овации». Сговор «заклятых друзей»	151
Повелитель «Песни года» в бронированной машине	180
Сиделец Айзеншпис. «На моей голове “праздников” нет»	191

НАШЕ ВРЕМЯ

Фридлянд. Человек из Кемерово, «раскрутивший» Меладзе	207
Александр Толмацкий. Не просто «папа Децла»	221
Борис Зосимов. Тот, кто привел в Россию MTV	231
Джексонада. Московские страсти вокруг мирового поп-короля	236
Это должна была сделать Соловьева	241
Намин, не занимающий чужих территорий	249
Градский, собирающий долги	259
Следы рока. Романов, БГ, Кинчев, Шевчук	273
Время Крутого продолжается	323

ПРЕДИСЛОВИЕ

Существует ли российский шоу-бизнес — доподлинно неизвестно даже крупнейшим его обитателям. Периодически они повторяют: «Шоу у нас есть, бизнеса — нет». Шутка давняя. В которой разве что доля шутки, а преимущественно — такой специфический, крепкий отечественный коктейль, где щедро замешаны все ингредиенты постсоветской России, дожившей в 2021-м до своего тридцатилетия.

Мой стаж музыкального журналиста несколько дольше. Штатным сотрудником газеты (чья редакция, к слову, располагалась напротив московского Кремля, шефом являлся будущий председатель российской Госдумы, а гранки каждого номера возили на подпись одному из секретарей ЦК КПСС на Старую площадь) я стал раньше, чем «наш шоу-бизнес» обрел четкие очертания, понятия, иерархию. Так что, его историю я фиксировал фактически с самого начала. Наиболее бурная ее часть: гламурно-криминальная, сенсационная, полуфантастическая (если

НАШЕ ВРЕМЯ

судить из дня сегодняшнего), амбициозная, дерзкая и ныне уже местами мифологическая, происходила в доинтернетную, даже докомпьютерную пору. Когда разговоры и музыку записывали на кассетные магнитофоны, а материалы для СМИ писали от руки или на печатных машинках.

Старт последнего десятилетия прошлого века стал финишем Страны Советов и ее тщетной перестройки, вместе с которой сворачивались разные «центры досуга», «молодежные объединения», «художественные студии», «лаборатории» и прочие «творческие кооперативы», бросившие в конце 1980-х вызов концертно-звукозаписывающей госмонополии («Мелодия», Госконцерт, Росконцерт, различные филармонии таяли, как снеговики в оттепель). И в «девятиностых» фигуры на доске можно было расставлять заново, уже абсолютно по новым для «рожденных в СССР» правилам или почти без правил. Первобытный отечественный шоу-бизнес, как фартовое казино или скоростной социальный лифт, кого только не приманил: вчерашних комсомольских идеологов, детей советских партийцев и генералов, бывших «ментов» и сотрудников ОБХСС, недавних «валютчиков» и ребят из «братвы», провинциальных режиссеров массовых мероприятий, не реализовавшихся драматических актеров, обеспеченных «детей гор», удачливых продавцов оргтехники, секретарш, манекенщиц и манекенщиц, официанток, гостиничных работниц... Это поле выглядело просторным и почти

ПРЕДИСЛОВИЕ

не паханным. Теснота, однако, образовалась довольно скоро, и атмосфера в «музыкальной среде» стала отнюдь не травоядной. Одни жаждали собственной влиятельности, другие — успеха, третьи — понтов. Учтем еще когорту благополучно (в некоторых случаях — привилегированно) устроившихся в профессии исполнителей советской эпохи, желавших удачно вписаться в новую реальность, а не в списки «героев вчерашних дней».

Особым аккордом звучал «русский рок», еще недавно пребывавший в полупрофессиональном-полуподпольном статусе, а тут оседлавший мейнстрим и обалдевший от происходивших с ним чудес: стадионные аншлаги, толпы фанов, документальные фильмы, интервью, телеэфиры, студийные сессии, съемки клипов, поездки на западные фестивали, контракты с рекорд-лейблами, свои директора и администраторы. Рокеры «отдельной секцией» вошли в отечественный теремок шоу-бизнеса. И сей процесс в 1990-х вызывал у некоторых из них болезненную рефлексию. Потом улеглось.

Сейчас можно включить популярный режим «по волне моей памяти» и сложить субъективную повесть о том «как оно было». А затем коллекционировать уверенные, «беспристрастные» комментарии тех, кто в курсе «как оно было на самом деле». Но подобной мемуаристике я предпочитаю документальную хронику. Тем более, если многие годы вел ее сам и могу обратиться к тысячам своих публикаций, сохранив-

НАШЕ ВРЕМЯ

шихся в газетных подшивках на антресолях «отчего дома», к сотням часов разговоров, зафиксированных на тех самых, вышеупомянутых аудиокассетах, к своим радио и телепрограммам, пойманным Всемирной паутиной. На мой взгляд, в этой архивной руде достаточно прямой речи, фактов, крупных планов, портретов, чтобы почувствовать, как развивалась и менялась российская музыкальная «игра на выживание», вместе с ее игроками и нашей действительностью.

ТАЛЬКОВ

Убийство. Ложь

Уже в младенчестве русский шоубиз заляпался кровью, причем совсем не эпически, а как-то абсурдно-нелепо. Случившееся потащило за собой килограммы вранья и почти карикатурного пафоса. Тридцать лет назад, 6 октября 1991 года, во время сборного концерта в питерском Дворце спорта «Юбилейный», убили популярнейшего на тот момент певца Игоря Талькова. Огнестрельная драма полыхнула за кулисами, а на дворе цвела такая гласность, что организаторы концерта мгновенно, со сцены, проинформировали о происшествии многотысячную публику. И даже в отсутствии соцсетей, мобильных, хотя бы пейджеров, весть разнеслась за час по всей стране. С нее начинались вечерние новости центральных телеканалов.

У Талькова, на кардинально мутирующей в ту пору позднесоветской эстраде, к началу 1990-х сложился героико-патриотический образ. «Любер» Коля Расторгуев еще не стал «батяней-комбатом»

НАШЕ ВРЕМЯ

и лишь привыкал к гимнастерке. Балтиец Олег Газманов пока не добрался до звона московских колоколов и офицеров, а про есаулов и путан пел одинаково танцевально. Игорь же со сцены, можно сказать, нарочито вещал, глаголил, считая ее трибуной, да и типажно выигрывал у потенциальных конкурентов.

В 1987-м Тальков под аккордеон исполнял сентиментальные тухмановские «Чистые пруды», чем впервые и зацепил широкое зрительское внимание. А пару лет спустя уже стоял на авансцене в расстегнутой белой рубахе, с большим распятием на груди и страдал по «растерзанной вандалами» России, «листая старую тетрадь расстрелянного генерала». К такому поп-кумиру помимо поклонников потянулись «как к своему» разные деятели «духовных» организаций и «национально-патриотических» фронтов и обществ (включая казаков, монархистов и одиозную «Память»), коих тогда плодилось множество. Игорь эффективно, «в русле времени», нагнетал свою мятежно-мистическую ауру. После гибели Виктора Цоя, менее чем за год до собственной смерти, он спел: «А может быть, сегодня или завтра/ Уйду и я таинственным гонцом/ Туда, куда ушел, ушел от нас внезапно/ Поэт и композитор Виктор Цой...». Рядом с сакраментальной лирикой в его репертуаре появлялись желчные, прямолинейные, типа сатирические темы, про «господ-демократов»,

ТАЛЬКОВ

которых он звал «на суд одураченных масс» за то, что «свободных славян обратили рабами/ и в тюрьму превратили Великую Русь!», или «Метаморфоза», где просто персонально перечислялись те, с кем Тальков пересекался в своей творческой деятельности и конфликтовал: «Перестроились комсорги/ В шоу-бизнес подались/ И один из них свой орган/ Называет фирмой ЛИС'С/ Стал капиталистом/ Коммунист из Госкино/ Вместо фильмов о чекистах/ Рекламирует «порно»...».

И вот такого артиста (сыгравшего, кстати, в кино князя Никиту Серебряного), за месяц до его 35-летия убивают буквально перед выходом на сцену! Простите за цинизм, но какой сюжет! Сколько мотивов для молвы! Разумеется, понеслось. Одни поклонники Талькова догадывались, что «он мешал тем, кого обличал», «убили за правду», другие чуяли «масонский заговор против русского поэта-патриота», третьи добавляли, что «здесь, конечно, не обошлось без спецслужб». Апофеозом экстатической конспирологии стал художественный фильм режиссера Николая Стамбулы с леденящим названием «Операция "Люцифер"», в начале 1994 года презентованный в большом зале московского Киноцентра на Красной Пресне. Перед показом Стамбула со съемочной группой поднялся на сцену и многозначительно заметил: «Мы уверены, что трагедия, случившаяся с Игорем, никакая не случайность, а заказное убийство». Нетрудно

НАШЕ ВРЕМЯ

догадаться, что озадачивший своим художественным уровнем фильм пытался проиллюстрировать режиссерский тезис. В нем делались вполне прозрачные намеки на конкретных участников преступления. Деятели теневых структур — от фирмачей до милицейских генералов — развернули тайную охоту на актера (с лицом Талькова), которого хотели застрелить. В итоге они своего добились, но перед тем случилась цепь мистических событий. Фирма, организовавшая преступление, называлась «Люцифер», на столах в офисах разных мафиози стояли таблички с аббревиатурой «МИС», а еще над телом «Талькова» танцевала с кинжалами полуголая женщина, чем-то напоминавшая певицу Азизу...

В реальности все было куда прозаичнее и, к сожалению, характернее для российского абсурдизма. Кровавый «детский сад» с летальным исходом. В последние пару лет жизни Талькова я немало с ним общался, заходил к нему домой, знал его семью и некоторых людей из его окружения. Игорь мог быть весьма резким парнем, имел газовый пистолет, а в его малогабаритной квартире в «хрущевской» пятиэтажке на Пролетарском проспекте едва ли не центральное место занимала боксерская груша. Иногда он наносил удары по ней даже во время разговора, если ходил по комнате. Я легко представлял его реакцию на чье-нибудь дерзкое предложение померяться... крутизной.

ТАЛЬКОВ

В «Юбилейном» нечто подобное адресовал ему сам Рэмбо. Под такой кличкой некоторые знали «бывшего спортсмена, а ныне – рэкетмена» Игоря Малахова, являвшегося тогда для популярной певицы из солнечного Узбекистана Азизы сразу всем: директором и охранником, автором песен и гражданским мужем. Малахов отправился в примерку Талькова, дабы доходчиво разъяснить Игорю, что по желанию Азизы тот должен поменяться с ней очередностью выхода на сцену в данном концерте. Многие российские «понятия» (в том числе из области поп-культуры) в цивилизованном мире смотрятся как анекдот. Расстановка исполнителей в сборной программе согласно их подразумеваемому статусу – из этой серии. Безусловно, понятие «хедлайнер» никто не отменял. Но в России начала «девяностых» его значение гиперболизировалось до дикости.

Тальков резко отреагировал на похожее на «наезд» предложение своего «конкретного» тезки. Завязалась потасовка, к которой подключились охранники, рядом был и администратор певца, вскоре появились «стволы», раздались выстрелы, один из которых оказался для Талькова губительным. При всей начавшейся за кулисами нервной суете, нашлось немало свидетелей точно запомнивших, кто выстрелил в артиста и куда затем делся роковой пистолет. В течение недели после трагедии я общался с несколькими участниками того концерта, в частности,

НАШЕ ВРЕМЯ

с Лолитой Милявской, Олегом Газмановым, с музыкантом из группы Талькова, и они рассказывали очень похожие подробности, а имя убийцы называли однозначно. Собственно, и у следствия поначалу картина преступления и главный подозреваемый особых сомнений не вызывали. Но уже через несколько месяцев все вдруг превратилось в программу «В гостях у сказки». Коллеги Талькова стали напрочь забывать, что видели в «Юбилейном» 6 октября, видели ли вообще какой-нибудь конфликт или только слышали «странный шум в коридоре». А следователи нашли сенсационного кандидата в киллеры – администратора самого Талькова Валерия Шляфмана. И озвучили эту версию сразу после отъезда Шляфмана с семьей на ПМЖ в Израиль.

Дальше сюжет развивался предсказуемо: уголовное дело об убийстве певца ушло в тень, а адепты Талькова продолжили, по мере возможностей, поддерживать его культ: сборники, сайты, книги, выставки, музей, памятник в городе Щекино Тульской области, могила-мемориал на Ваганьковском... Лет через 15 после убийства, «к дате», для таблоидов и телевизионных ток-шоу, коллеги Талькова вдруг опять вспомнили подробности конфликта в «Юбилейном» примерно так, как высказывались «по горячим следам» той ситуации. По случайному совпадению их откровения совпали со смертью Малахова. Вроде бы даже уголовное дело возобновили...